

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. ФИШЕР*

РОМАН ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

Эта статья посвящена восприятию романа «Бесы» Достоевского во французской словесной культуре XIX–XXI вв. Обсуждая взгляды главных литературных критиков и почитателей творчества русского писателя, автор показывает, что история рецепции «Бесов» зависит от многих индивидуальных и социальных факторов, она сложна и непрямолинейная, ей присущи колебания, вариации и даже неожиданные повороты. С антропологической точки зрения, оценка романа во Франции свидетельствует о культурных и исторических различиях между ней и Россией.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Бесы», французская литература, нигилизм, рецепция, культурные модели России и Франции.

Согласно сложившейся традиции, публикациям переводов большинства произведений Достоевского на французский язык предшествовали обзорные статьи о его творчестве. Первые переводы произведений писателя появились во Франции в конце XIX столетия, и с этого времени в стране начал возрастать интерес к творчеству Достоевского. Роман «Бесы», которому посвящена данная статья, был впервые переведен на французский в 1886 г.¹, одновременно с этим вышла в свет книга Мелькиора де Вогюэ (Melchior de Vogüé, 1848–1910) «Русский роман» (Le roman russe)². Дипломат и литератор, М. де Вогюэ провел в России пять лет (1877–1882), пребывая в должности секретаря французского посольства в Петербурге. В начале 1878 г. он женился на фрейлине императрицы Александре Анненковой и вошел в великосветские и литературные круги Петербурга. В сферу его общения входили самые известные деятели литературы, не исключая и Достоевского. После возвращения

* Станислав Фишер, доцент, директор Польского и чешского института, Лотарингский Университет, Нанси, Франция — stanislaw.fischer@univ-lorraine.fr; fischer@hotmail.fr
Stanislaw Fiszer, Associate Professor, Head of the Institute of Polish and Czech, University of Lorraine, Nancy.

¹ «Бесы» были переведены Виктором Дерели под заглавием “Les Possédés” (Paris, 1886).

² До 1927 г. «Русский роман» выдержал во Франции 18 изданий. Современники уподобляли книгу Вогюэ трактату Жермены де Сталь «О Германии», считая, что он сделал для русской культуры то же, что она сделала для немецкой.

во Францию Вогюэ полностью погрузился в литературно-критическую деятельность и с помощью своих книг и статей, большая часть которых была опубликована в журнале *Revue des deux mondes* (Обозрение двух миров), он фактически сформировал моду на русскую литературу.

Вогюэ не был первым, кто обратил внимание французов на литературное творчество Достоевского. В 1875 г., за одиннадцать лет до появления «Русского романа» Вогюэ, в издательстве *Charpentier* вышла в свет книга Селесты Курьер (Céleste Courrière, 1843–1900) «Histoire de la littérature contemporaine en Russie» («История современной литературы в России»). В разделе, посвященном творчеству Достоевского, говорится лишь о двух романах писателя — о «Преступлении и наказании» и «Бесах». Как и многих других, писавших о творчестве Достоевского, автора этого труда более всего заинтересовал своей общественно-политической проблематикой роман «Бесы».

Вогюэ, тем не менее, в своей книге «Русский роман» выражает уверенность, что Достоевский достиг художественного совершенства именно в «Преступлении и наказании»; все романы, написанные в более поздние годы, уступают этому произведению в эстетическом отношении. Вогюэ утверждает даже, что «в “Преступлении и наказании” талант закончил свой подъем. <...> В “Идиоте”, “Бесах” и особенно в “Братьях Карамазовых” длинноты становятся невыносимыми, а действие представляет не более как податливую вышивку, которая согласуется со всеми теориями автора и в которой он обрисовывает все типы, встреченные им или созданные в аду его фантазии»³.

Согласно концепции Вогюэ, Достоевский написал «Бесы» как ответ на роман своего литературного соперника, И. С. Тургенева «Отцы и дети», а тот, в свою очередь, принял вызов и три года спустя создал «Новь». Сюжет «Нови» и «Бесов» имеет черты сходства, общая и тема: общественная и личная жизнь «нигилистов», участников русских революционных кружков 1870-х гг. Сопоставление двух романов приводит французского литератора к выводу, что в данном произведении «мягкий художник “Нови” был побежден драматическим психологом, так как последний яснее проникает во все изгибы этих искалеченных душ»⁴. Однако Вогюэ видит как в том, так и в другом романе только прямое изображение потомков Базарова: «Достоевский чувствовал это, и это-то приводило его в отчаяние»⁵.

Подводя итог, французский критик приходит к выводу, что главная заслуга «этой смутной, плохо построенной, часто смешной

³ Вогюэ М. де. Современные русские писатели: Толстой, Тургенев, Достоевский. М., 1887. С. 52. Тратат «Русский роман» полностью никогда не переводился на русский язык. Для русского цитируемого издания переводы были выполнены не по книге «Русский роман», а по статьям Вогюэ из *Revue des deux mondes*, которые позже вошли в эту последнюю книгу. *Vogüé M. Le roman russe. Paris, 1886. 413 p.*

⁴ Вогюэ М. де. Современные русские писатели. С. 59.

⁵ Там же. С. 59.

и переполненной апокалипсическими творениями книги»⁶ состоит в точном изображении в ней движения нигилистов: по его мнению, их влияние на народ следовало не из оригинальности их идей и могущественности их организации, но из вызывающей смелости некоторых отдельных революционеров, ибо «человек есть прирожденный раб всякой сильной воли, проходящей перед ним»⁷.

Спустя пару десятков лет Андре Жид (André Gide, 1869–1951) вступил в полемику с Вогюз в ряде своих очерков и лекций, которые он читал в 1921 г. в связи со столетием со дня рождения Достоевского, в «Старой голубятне», театре на Монмартре, ставшем своего рода клубом французских писателей-модернистов. Почти все эти работы были опубликованы в книге под заглавием «Dostoïevsky. Articles et causeries» (1923)⁸ («Достоевский. Статьи и лекции»). В отличие от Вогюз, Жид думает, что русский писатель «был одним из тех редких гениев, которые прогрессируют от произведения к произведению, пока смерть внезапно не прервет это восхождение»⁹. По его мнению, «Бесы» — это лучший роман Достоевского.

Жид объясняет его значение прежде всего с биографической, психологической и философской точек зрения. Интерпретации творчества Достоевского, содержащиеся в статьях и лекциях А. Жида, впоследствии не раз оказывались в центре внимания при каждой литературной полемике о творчестве Достоевского и в особенности о романе «Бесы». Именно в этом проявляется важная роль, которую сыграли публикации А. Жида и которая в силу этого заслуживает специального анализа в сравнении с оценками значения романа «Бесы» со стороны крупнейших французских критиков XX и начала XXI в.

Анализируя характер Николая Ставрогина, Жид обнаруживает в нем немалое число автобиографических черт. Подобно самому Достоевскому, герой «Бесов» «испытывает отвращение к злу», и одновременно его душу «терзает мысль о неизбежности зла»¹⁰, источником которого он сам и является. Обращаясь к методу психологической критики, Жид объясняет высокомерие Ставрогина, его демоническую гордость неким пережитым в юности тяжелым унижением, которое глухо упоминает его мать Варвара Петровна. Французский эссеист проводит аналогию между надменностью персонажа «Бесов» и тем холодным отношением, с которым Достоевский в конце 1860-х гг. столкнулся

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Вогюз М. де. Современные русские писатели. С. 61.

⁸ Книга «Достоевский. Статьи и лекции» содержит в себе следующие работы А. Жида: «Достоевский в его переписке» (Dostoïevsky d'après sa correspondance, 1908), «Братья Карамазовы» (Les Frères Karamazov, 1911), «Краткая речь в “Старой Голубятне”» (Allocution lue au *Vieux-Colombier*, 1921) и шесть «Лекций» (Conférences, 1921).

⁹ Gide A. Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 61. Перевод этой и всех остальных цитат сделан автором статьи, за исключением особо оговоренных.

¹⁰ Gide A. Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 248.

во время встреч с И. С. Тургеневым, отвергнувшим предложение дружбы и с иронией отнесшимся к «почвеннической» проповеди Достоевского (см.: 28, 354, 261). Этот мотив, по мнению Жида, получил свое отражение в исповеди Ставрогина перед Тихоном¹¹. Французский писатель обращает особое внимание на то, что все герои «Бесов» заключают в себе комплексы мучительных противоречий¹². Он приписывает их неуравновешенный характер и болезненную душевную раздвоенность моральным и физиологическим порокам их гениального творца¹³. При этом подчеркивает, что эпилепсия, которой страдал Достоевский, один из важнейших ключей осмысления психологии его персонажей. Ощущение потери своего места во времени, которое переживал Достоевский, чувство блаженства в последние секунды перед припадком могли, например, послужить материалом для описания аналогичного ощущения, о котором свидетельствует Кириллов в разговоре с Шатовым, в главе «Путешественница». Жид также упоминает и ряд других сходных черт, объединяющих Достоевского и героев его романа¹⁴, полагая, что они являются воплощением и отражением противоположностей в его собственном характере.

В предисловии к переводу «Бесов» Бориса де Шлэцера (Boris de Schlœzer, 1881–1969)¹⁵, Марта Робер (Marthe Robert, 1914–1996), один из выдающихся представителей французской психоаналитической школы, развивает тенденцию психологического подхода к анализу этого произведения. Отмечая, подобно критикам конца XIX столетия, непродуманную композицию сюжета и несуразности характеров героев Достоевского, она разделяет мнение Жида, согласно которому все они — это отображение внутреннего — сознательного и бессознательного¹⁶ — мира самого писателя. Актуализируя в своеобразной криптографии собственный жизненный путь, Достоевский пользуется

¹¹ Об этом событии и об унижении как источнике высокомерия Жид пишет в: Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 131–135.

¹² Один из комментаторов «Бесов» считает, что заметки Жида о «внутреннем диалоге» и «многоголосии человеческой природы» предвосхищают теорию полифонического романа М. М. Бахтина: *Дубинская М. В.* Писатель, «собравший русское сердце»: французские критики рубежа XIX–XX вв. о Ф. М. Достоевском // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2014. № 3. С. 284–291.

¹³ Согласно Жиду, каждый литературный гений сублимирует и компенсирует свои пороки в художественном творчестве.

¹⁴ Жид замечает, что Достоевский, подобно Ставрогину и другим героям «Бесов», не способен на чувство ревности: *Gide A.* Dostoïevsky. Articles et causeries. Paris, 1923. P. 189–190.

¹⁵ *Dostoïevski F.* Les Démons / Préface de M. Robert; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 1974. 820 p.

¹⁶ Отметим, что Жид обращал внимание на схожесть психологии героев Достоевского с хаотичной природой сновидений, которые содержат в себе скрытые, подсознательные желания людей. Напомним, что сам Достоевский в «Идиоте» говорит о важности сновидений для углубления природы человека; З. Фрейд, признав Достоевского великим писателем, черпал из его произведений данные для своих научных концепций.

им в качестве инструмента для отречения от идей социалистического утопизма, которым он был привержен в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского: именно поэтому он выставляет в карикатурном и гротескном виде членов революционной ячейки П. С. Верховенского. С психологической и моральной точек зрения писатель обращает действующих лиц произведения в козлов отпущения, нагружая действие романа своими греховными мыслями, вожделениями и несовершенными поступками. Таким образом он ищет путь своего собственного искупления. Соединяя в одно целое абстрактного и исторического автора романа «Бесы», М. Робер заключает свое исследование парадоксом: в Достоевском заключен протагонист и сюжет этого произведения.

Возвращаясь к очеркам Жида, она указывает на психологическую подоплеку философии Достоевского и на ее влияние на формирование взглядов Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900) прочитавшего роман «Бесы» в 1888 г. во французском переводе Виктора Дерели (Victor Derély, 1840–1904)¹⁷. По его мнению, основным прототипом человекобога, который заменяет Богочеловека в философии немецкого мыслителя, является теория Кириллова в «Бесах». Связанный с движением революционеров-нигилистов, он исповедует концепцию, согласно которой человек, признающий отсутствие Бога, имеет возможность сам стать Богом, что осуществимо при совершении максимально полного акта своеволия. В доказательство этого Кириллов решает заявить «высший пункт» своеволия — совершить самоубийство. Таким образом он обращается в нечто вроде «сверхчеловека», который своей волей исполняет, в соответствии с идеей Ницше, экзистенциальный долг жизни — реализовать свою свободную волю. Другим фактором, сближающим героя Достоевского с «аристократической» философией Ницше, является радостное «бытие становления», но не данности и неизменности: из этого проистекает ощущение блаженства, которое Кириллов испытывает в эти мгновения своей жизни, когда без остатка проживаемая современность становится вечностью.

«Бесы» оставили яркий след и в литературном творчестве Жида¹⁸. В 1914 г. он опубликовал роман “Les Caves du Vatican” («Подземелья Ватикана»). Это произведение некоторыми чертами своего сюжета напоминает нам сочинения Достоевского: действующими лицами становятся объединившиеся в идеологическую группу люди, которые устраивают заговор. Однако, говоря о связи этого произведения с «Бесами», значительно важнее сюжетного сходства характер главного героя, Лавкадио. Он принимает решение убить без всякой причины

¹⁷ *Dostoevskij F. M. Les possédés (Bési) / Trad. du russe par V. Derély. Paris, 1886. 785 p.*

¹⁸ Кроме Жида, к творчеству Достоевского обращаются такие французские писатели, как М. Пруст, Ж. Бернонос, А. Бретон, П. Дриё Ла Рошель, Л. Ф. Селин, А. Мальро и др.

незнакомому человеку, попутчика в поезде: подобно тому, как Кириллов своим самоубийством доказывает абсолютный характер своей воли, так и Лавкадио немотивированным убийством хочет себе доказать, что после «смерти Бога» он имеет право поступать по собственной воле без каких-либо моральных правил.

Альбер Камю (Albert Camus, 1913–1960) считавший «Бесов» одним «из четырех или пяти произведений, которые [он ставил] выше всех остальных»¹⁹, тоже рассматривает этот роман Достоевского с позиции философии Ницше, но обращает внимание на основную разницу между ней и взглядами самого Достоевского. Если даже один и другой предостерегают от опасности нигилизма²⁰, то Ницше видит выход из него в «воле к мощи», тогда как Достоевский проповедует христианское смирение: «Его трагическая надежда состоит в том, что он хочет излечивать унижение покорностью и нигилизм самоотречением»²¹. Влияние «Бесов» на самого Камю проявляется в его концепте абсурда: потерявшему веру в Бога, «бездомному» человеку остается лишь участь Сизифа²², нескончаемый и бесплодный бунт против своей судьбы. Хотя мировоззрение Камю гораздо ближе к экзистенциализму²³, чем к христианству, его размышления о романе местами напоминают духовные основы Евангелия, как, например, слова о современном человеке, утратившем веру и способность любить, но остро нуждающемся в них: «И если “Бесы” являются пророческой книгой, то не только потому, что он возвещает наш нигилизм, но и потому, что в нем представлены

¹⁹ Camus A. Pour Dostoïevski // Témoins. 1957–1958. N° 18–19. Статья была включена в книгу: Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. Paris, 1962. P. 1179–1180. О том, что роман «Бесы» оказал огромное влияние на творчество французского писателя, свидетельствует также театральная постановка его пьесы по этому произведению, премьера которой состоялась в 1959 г. в театре «Антуан» в Париже.

²⁰ По словам Камю, «Достоевский — это прежде всего писатель, который намного раньше Ницше сумел обнаружить современный нигилизм, определить его черты, предсказать его ужасные последствия и попытаться найти пути спасения» (Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. P. 1180).

²¹ Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. P. 1180.

²² В философском эссе Камю «Миф о Сизифе» (1942 г.) эпиграфом к главе «Человек абсурда» послужила фраза Шатова: «Ставрогин если верует, то не верует, что он не верует». На этот текст опирался французский писатель, формируя мысль о Ставрогине как о воплощении абсурда (ср. письмо Достоевского к Н. Д. Фонвизиной, написанное сразу после выхода из Омского острога, — 28, 1, 175–176).

²³ С экзистенциальной точки зрения объясняет «Бесов» Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre, 1905–1980). В статье «Monsieur François Mauriac et la liberté» (Господин Франсуа Мориак и свобода, Paris, 1938) он подчеркивает тесную связь морального самочувствия персонажа с осознанием смысла своего бытия: «В силу чего Ставрогин живет? Неверно думать, что он обязан своей жизнью моему воображению <...> Нет, я не воображаю Ставрогина, я его ожидаю, ожидаю его поступков, конца его приключения. Эта густая материя, которой я вращаю, когда читаю “Бесов”, есть не что иное, как мое собственное ожидание, это мое время» (цит. по: Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX в. СПб., 2013. С. 239).

разорванные или мертвые души, не умеющие любить и страдающие от этого, жаждущие веры и не способные на нее, — как раз те, что и населяют сегодня наше общество и наш духовный мир»²⁴.

Католический богослов Анри де Любак (Henri de Lubac, 1896–1991) утверждает, что путь к свободе в «Бесах» и других романах Достоевского ведет через любовь к Христу и осознание идеи жертвенности²⁵. Приводя цитату из трудов Николая Бердяева (1874–1948)²⁶, Любак допускает близость писателя к христианскому социализму²⁷. Согласно концепции этого французского теолога, Достоевский отвергает все попытки строить общество на атеистической основе, так как они могут только привести к подчинению большинства людей власти горстки тиранов: «Шигалев — это теоретик бандитской ячейки. Его система очень простая; она сводится к такой формуле: “исходя из неограниченной свободы, я пришел к неограниченному деспотизму”»²⁸. Продолжая свою социологическую и историческую интерпретацию романа, Любак предполагает, что русские нигилисты и социалисты наследовали идеологию западных либералов XIX в. Не удовлетворяясь их расплывчатыми идеями прогресса и рационализма, они задумались уничтожить веру и разрушить построенное на ней христианское общество, чтобы, опираясь на фундамент науки, создать новое общество. С этой точки зрения, «Бесы» — это не только политический памфлет и социальная сатира, но и пророческая книга, которая предвещает Октябрьский переворот 1917 г.

Отметим, что эпитет «пророческий» употребляется многими толкователями этого произведения Достоевского, а характер его пророчеств меняется в зависимости от исторических обстоятельств. Согласно Вогюэ, книга является пророчеством «потому, что в 1871 году, когда закваска анархии еще скрывалась, ясновидящий рассказывает факты, до подробностей сходные с теми, которые развернулись впоследствии на наших глазах»²⁹, т. е. в 1880-х гг. По Жиду, «весь роман “Бесы” выступает против революции, которой страдает теперь <в начале 1920-х гг.> Россия»³⁰.

²⁴ Там же. С. 254.

²⁵ Необходимо отметить развитие интереса к религиозной тематике в интерпретациях творчества Достоевского во Франции в первой половине XX в., что обусловлено, в первую очередь, распространением переводов трудов русских религиозных философов: Л. Шестова, Н. Бердяева, Л. А. Зандера.

²⁶ Уже в эмиграции Н. Бердяев опубликовал книгу «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923). Она была переведена на французский под заглавием «L'Esprit de Dostoïevski» (Paris, 1946).

²⁷ Похожую мысль еще раньше выразил Камю: Достоевский «не хотел религии, которая не была бы социалистической <...> но он отвергал социализм, который не был бы религиозным» (Camus A. Théâtre, récits, nouvelles. Paris, 1962. P. 1180).

²⁸ Lubac H. de. Le Drame de l'humanisme athée. Paris, 1965. P. 269.

²⁹ Вогюэ М. de. Современные русские писатели. С. 59.

³⁰ Gide A. Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 282.

В 1921 г. эссеист Андре Суарес (André Suarès, 1868–1948) написал большой очерк «Столетие Достоевского»³¹. В нем он разделяет мнение Жида о связи философии автора «Бесов» с революционными событиями в России. Он выдвигает версию, что своеобразным прототипом В.И. Ленина был Николай Ставрогин, апостол атеистического коммунизма³². Спустя четверть столетия Камю уверяет, что Достоевский выразил коренным образом трагедию европейских тоталитаризмов и Второй мировой войны. В начале XXI в. появились и такие французские интеллектуалы, которые, оперируя материалом романа «Бесы», объясняют свойства современного исламского радикализма и терроризма. Андре Глюксманн (André Glucksmann, 1937–2015) в 2002 г. опубликовал, например, книгу «Dostoïevski à Manhattan» («Достоевский на Манхэттене»)³³. Одной из глав автор дает красноречивое название «Возвращение Ставрогина». Размышляя о Чеченской войне в России и о террористическом акте 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, он называет главной причиной этих событий нигилизм, изображенный Достоевским, и подчеркивает историческую неизменность идеологии такого типа: «Вот вершина. Безумная радость от разрушения погубила XX век и перешла в следующий. Культура смерти, “холодный порыв человеческих существ, соединяющий суицид с массовым убийством” (“Аль-Аят”), вдохновляет радикальный исламизм <...> Болезнь заразна с незапамятных времен. От горящего местечка в царской империи до черного сентября Манхэттена, нигилистическая, по выражению Достоевского, ярость громоздит руины на руины. Все более эффективная в своих средствах <...> Кириллов кончает с собой, чтобы доказать миру, что Бога нет...»³⁴

Хотя французские критики в общем согласны с тем, что Достоевский правильно предугадал и описал механизмы нигилистического движения в России, некоторые сомневаются в политической проницательности предсказаний в романе «Бесы». Так, Марта Робер упрекает его автора в недостаточно точном изображении социальных обстоятельств

³¹ Раньше этого очерка Суарес опубликовал книгу: «Trois Hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski» (Три человека: Паскаль, Ибсен, Достоевский, Paris, 1913). Один из разделов книги посвящен описанию личной судьбы и творчества русского писателя.

³² Похожее мнение выражает Пьер Бутан (Pierre Boutang, 1916–1998), переводчик, поэт, писатель и философ, ставший автором предисловия к переизданию романа «Бесы» в переводе Б. Шлёцера (1961). Он однозначно негативно оценил Ставрогина, назвав его «черным всадником», революционером, подобным тем, что наводнили Россию и Европу в XX в.

³³ Glucksmann A. Dostoïevski à Manhattan. Paris, 2002. 282 p.

³⁴ Глюксманн А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006. С. 20. По следам Глюксманна идут Франсуа Гери (François Guéry, р. в 1944 г.) автор книги «Archéologie du nihilisme: de Dostoïevski aux djihadistes» (Археология нигилизма: от Достоевского до джихадистов, Paris, 2015) и Иван Бло (Yvan Blot, 1948–2018), автор эссе «Le terrorisme islamiste, une menace révolutionnaire» (Новая революционная угроза. Исламский терроризм, Kayserberg, 2016).

и реальных причин революционного брожения в царской России: Достоевский «устраняет главное, то есть политические и общественные обстоятельства, в отсутствие которых деятельность Нечаева и всех революционеров, на него похожих, совсем непонятна». Таким образом, писатель создает образ «святой» Руси, где «несправедливость, нищета, страдание являются лишь собственным делом»³⁵. Следует заметить, что даже поклонники творчества Достоевского констатируют чрезмерную сосредоточенность писателя на сатирическом изображении нечаевцев, при том что он не сумел выразить в полной мере правды о жизни в русском обществе. М. Робер, более критическая в оценке «Бесов», обличает слишком консервативные взгляды русского писателя, хотя и отмечает некоторые черты сходства между изображенной им теорией нигилизма и большевистской и сталинской общественно-государственной практикой.

Анализ закономерностей в рецепции романа «Бесы» во Франции позволяет сделать вывод, что наиболее важными и актуальными моментами этого произведения являются социально-философские и политические его аспекты, в то время как особенную трудность представляет постижение поэтики Достоевского. Мы уже цитировали выше М. де Вогюэ, который критикует недостатки художественной манеры Достоевского. Чаще всего его упрекают в плохой композиции «Бесов» — особенно в многочисленности и спутанности фрагментов, — которая препятствовала восприятию основной интриги. Есть также авторы, которые отмечали отсутствие выработанного стиля в романе. В 1914 г. Эли Фор (Élie Faure, 1873–1937), эссеист и историк искусств, опубликовал книгу “Les constructeurs: Lamarck, Michelet, Dostoïevsky, Nietzsche, Cézanne” («Строители: Ламарк, Мишле, Достоевский, Ницше, Сезанн»)³⁶, в которой он соглашается с тезисом своих предшественников: «Мы бы не смогли понять этого великого человека <...>. С ним мы не можем говорить о том, что называем стилем. Он не умеет писать, он не пишет <...> внутренняя сила все оживляет»³⁷. Подобного рода мнения высказывались в работах, появившихся к началу XXI в. Доминик Фернандес (Dominique Fernandez, 1929–) в «Словаре влюбленных в Россию» (Dictionnaire amoureux de la Russie)³⁸ говорит о недостатках Достоевского как художника слова, подчеркивая, что его плохой стиль обусловлен известной нехваткой времени, которую он постоянно испытывал, работая над своими произведениями. Как по форме, так и по содержанию многим читателям роман «Бесы» кажется неотделанным и хаотическим произведением, что отражается в неотчетливом

³⁵ *Dostoïevski F. Les Démons / Préface de M. Robert; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 2019. P. 13.*

³⁶ *Faure E. Les constructeurs: Lamarck, Michelet, Dostoïevsky, Nietzsche, Cézanne. Paris, 1921.*

³⁷ *Ibid. P. 112.*

³⁸ *Fernandez D. Dictionnaire amoureux de la Russie. Paris, 2004.*

изображении русского общества: «Практически до самого конца романа мы не понимаем, что происходит, целое общество — неорганичное, задыхающееся, безграничное в своих направлениях, в своих элементах — кажется колеблющимся в случайности своей хаотичности»³⁹.

Первыми во Франции защитниками художественного достоинства этого произведения Достоевского были, несомненно, Жид и Суарес. Жид обратил внимание на различие между эстетическими канонами во французской и русской литературах. По его словам, «Франция испытывает отвращение к бесформенности, но творчество Достоевского далеко не бесформенное: просто его понимание красоты иное, чем средиземноморское»⁴⁰. Жид противопоставляет западный рационалистический и картезианский дух французов более интуитивному и целостному восприятию мира русскими писателями и философами. Что касается Суареса, почитателя модернизма, он представил понятие «органической книги», «органического произведения искусства», сравнив поэтику Достоевского с музыкой Вагнера: в романах русского классика все элементы являются необходимыми и органичными, а «беспорядочность Достоевского есть не что иное, как порядок симфонии»⁴¹. Однако, по нашему мнению, наиболее интересную интерпретацию поэтики Достоевского дал Андрей Маркович в предисловии к своему переводу «Бесов»⁴². Вместо того чтобы отрицать «хаотический» характер художественного мира Достоевского, он актуализирует его значение, выдвигая идею, что именно это и является ключом к пониманию сути романа. Поскольку в данном произведении автор ставит перед собой задачу изобразить общество в состоянии социального и нравственного кризиса, повышенной непредвиденности своего будущего, неорганизованность, хаотичность конструкции произведения вполне оправдываются как конструктивный прием. Как мы уже увидели, хаос отражается в психологии и мировоззрении персонажей романа. Многие критики утверждают непостижимость этого психологического настроения. По Марковичу, сама непонятность имеет функциональный смысл — непонятна потому, что сами герои не вполне понимают смысл своего поведения: это люди, сбившиеся с истинного пути, страдающие психическими расстройствами, с раздвоенным сознанием; они способны лишь бесноваться, порождая вокруг себя хаос и замешательство⁴³. Поэтический идиостиль Достоевского еще усиливает впечатление беспорядка: писатель заставляет своих героев говорить

³⁹ Faure E. Les constructeurs. P. 127.

⁴⁰ Gide A. Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 283.

⁴¹ Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX в. СПб., 2013. С. 93.

⁴² Dostoïevski F. Les démons: roman en trois parties / Traduit du russe par A. Markowicz. Paris, 1995.

⁴³ Намякая на эпитафию из Пушкина к роману, Маркович метафорически говорит о героях — воплощении бесов, которые кружат и заставляют читателя кружить все

языком бытовой речи, сохраняя ее повторы, несурзаицы, обмолвки. Этот язык, который Маркович называет «эмоциональным» и «нелогичным» по сравнению с нормой литературного языка того времени, верно передает внутреннюю дисгармонию и нравственное искривление действующих лиц произведения. Расстроенное состояние общества, стоящего на пороге катастрофы, предполагает в плане повествования нарушение строгих классических канонов. В самом деле, ограниченный в своем знании герой-хроникер, который ведет повествование, существенным образом отличается от всезнающего интровертного повествователя классического романа XIX в.: «...он излагает события, но он не в состоянии уловить их смысла». Сверх того, обнаруживая «невежество» хроникера, который «так же пишет, как он говорит, сбивчиво и многословно»⁴⁴, писатель как будто ставит под сомнение сами излагаемые события, оставляя читателя этой «невероятной» истории в душевном смятении.

К настоящему моменту «Бесы» переведены на французский язык шесть раз⁴⁵. Само количество переводов свидетельствует об интересе французов к этому произведению. Каждый новый перевод соответствует требованиям эпохи его создания, и доказывает желание углубить понимание произведения и поэтического стиля русского романиста⁴⁶. «Бесы» являются книгой, получавшей самые неоднозначные отклики французской критики на протяжении 134 лет, начиная с публикации первого перевода В. Дерели в 1886 г. Без сомнения, идеологическая связь с революционными событиями в России в конце XIX — начале XX в. обусловила характер ее восприятия представителями французской словесной культуры.

Отмечено, что наибольший интерес вызывают социальные и политические вопросы, поднятые в этом произведении, в то время как постижение нравственных и религиозных взглядов писателя притягивает внимание читателей лишь в небольшой степени. Эту ситуацию не смогла поколебать даже литературно-критическая деятельность русской

быстрее вокруг «пустого центра». В самом деле, это «жалкие, неудачные бесенята», которые своей гротескной жестикуляцией напоминают марионеток.

⁴⁴ *Dostoïevski F. Œuvres romanesques 1869–1874 / Traduction du russe, avant-propos et notes d'A. Markowicz. Paris, 2016. P. 175.*

⁴⁵ Воспроизводим список переводов «Бесов» в хронологическом порядке: *Dostoïevskij F.M. Les possédés (Bési) / Trad. du russe par V. Derély. Paris, 1886; Dostoïevskij F.M. Les Possédés (suivis de) La Confession de Stavroguine / Seule traduction intégrale et conforme au texte russe par J. Chuzeville. Paris, 1925; Dostoïevskij F.M. Oeuvres complètes de Dostoïevski. Les Démons / Traduction de B. de Schlœzer. Paris, 1932; Dostoïevskij F.M. Les possédés / Traduction par É. Guertik. Paris, 1952; Dostoïevskij F.M. Les possédés / Traduction nouvelle de Ya. Zwizagora; textes de présentation de R. Poulet. Paris, 1960; Dostoïevski F. Les démons: roman en trois parties / Traduit du russe par A. Markowicz. Paris, 1995.*

⁴⁶ Аналитическому рассмотрению переводов романа «Бесы» посвящена диссертация: *Булжакова Н. О. Рецепция романа Ф.М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре. Томск: Томский политехнический университет, 2018.*

интеллигенции, эмигрировавшей во Францию после Октябрьского переворота. Кроме небольшого числа критиков⁴⁷, французы в целом относятся весьма индифферентно к «русской идее», «почвенничеству», религиозному мессианизму — идеям, выразителем которых в романе является Шатов. Это объясняется различиями в культурно-историческом пути двух народов: исключая монархистов⁴⁸ и крайних правых консерваторов, республиканская и светская Франция отвергает идею национальной идентичности, основанной на религиозно-нравственной «почве», в то время как нигилизм остается значительным предметом для осмысления критиками с самыми разными идеологическими позициями. Тем не менее нигилизм — это лишь одна из многообразных граней романа, которые возбуждают интерес французских мыслителей. История создания романа Достоевского, особенности его поэтики, психология его героев, поднятые философские вопросы равным образом привлекают их внимание.

Подводя итог своим размышлениям о творчестве автора «Бесов», А. Жид говорит: «Я далек от мысли, что я исчерпал все вопросы, которые можно найти в его книгах. То, чего я в них сознательно и бессознательно искал, походит на мое собственное мировоззрение. Другие найдут в них, без сомнения, что-то другое»⁴⁹. Мы могли бы отнести эти слова ко всем исследователям творчества Достоевского, о которых мы говорили в нашей статье. Все они очевидно находились под влиянием различных идеологических и эстетических направлений — модернизма, психоанализа, экзистенциализма, персонализма, постмодернизма, — и оценивали роман «Бесы» сквозь индивидуальную призму, одновременно обогащая предмет рассмотрения своими духовными и интеллектуальными ценностями. Разумеется, история рецепции романа «Бесы» во Франции, подобно самой истории этих общественных направлений и связанных с ними людей, не идет по направлению от плохого к лучшему пониманию этого произведения. Этот маршрут не прямолинеен, ему присущи колебания, вариации и, временами, неожиданные повороты. Каждый новый перевод и каждое новое прочтение романа «Бесы» не только способствует оживлению интереса к Достоевскому во Франции, обнаруживая новые, иногда ускользающие от самого автора смыслы, но и является общественно значимым творческим процессом, благодаря которому читатели, участвуя в незавершенном и незавершаемом диалоге действующих лиц, заставляют жить этот полифонический роман Достоевского.

⁴⁷ А. Жид принадлежал к числу защитников «почвеннических» идей, которые в «Бесах» высказывает Шатов, обращаясь к этой идеологии в эстетическом аспекте: чтобы стать частью мировой литературы, писатель обязан быть выразителем коренных свойств культуры своего народа.

⁴⁸ Среди них П. Бутан, см. сноску 32.

⁴⁹ *Gide A. Dostoïevsky. Articles et causeries. P. 282.*

Библиографический список

- Бердяев Н.* Мировоззрение Достоевского. Прага, 1923. 238 с.
- Вогюэ М. де.* Современные русские писатели: Толстой, Тургенев, Достоевский. М., 1887. 205 с.
- Булгакова Н. О.* Рецепция романа Ф. М. Достоевского «Бесы» во французской словесной культуре. Томск, 2018. 153 с.
- Глюксманн А.* Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург, 2006. 136 с.
- Дубинская М. В.* Писатель, «собравший русское сердце»: французские критики рубежа XIX–XX вв. о Ф. М. Достоевском // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2014. № 3. С. 284–291.
- Фокин С. Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX в. СПб., 2013. 396 с.
- Blot Y.* Le terrorisme islamiste, une menace révolutionnaire. Kayserberg, 2016. 246 p.
- Camus A.* Théâtre, récits, nouvelles. Paris, 1962. 2090 p.
- Courrière C.* Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris, 1875. 458 p.
- Dostoïevski F.* Les Possédés / Préface de P. Boutang; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 1961. 700 p.
- Dostoïevski F.* Les Possédés / Préface de M. Robert; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 1974. 987 p.
- Dostoïevski F.* Œuvres romanesques 1869–1874 / Traduction du russe, avant-propos et notes d'A. Markowicz. Paris, 2016. 1024 p.
- Faure E.* Les constructeurs: Lamarck, Michelet, Dostoïevsky, Nietzsche, Cézanne. Paris, 1921. 267 p.
- Fernandez D.* Dictionnaire amoureux de la Russie. Paris, 2004. 864 p.
- Gide A.* Dostoïevsky. Articles et causeries. Paris, 1923. 300 p.
- Guéry F.* Archéologie du nihilisme: de Dostoïevski aux djihadistes. Paris, 2015. 256 p.
- Lubac H. de.* Le Drame de l'humanisme athée. Paris, 1965. 441 p.
- Suarès A.* Trois Hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski. Paris, 1913. 367 p.

S. Fiszer

FRENCH LITERARY RECEPTION OF *POSSESSED* BY FYODOR DOSTOYEVSKY

This article deals with the French reception of *Possessed* by Fyodor Dostoevsky in the 19th–21st centuries. Analyzing briefly opinions of the most important French literary critics and admirers of this novel, the author points out that the history of its reception which depends on the individual and social circumstances, is far from being progressive and it isn't moving from a bad to a better understanding of the book: it follows a tortuous path being reach of surprising developments. From anthropological point of view the analysis of Dostoyevsky's reception reveals differences between Russian and French culture and identity.

Key words: F. M. Dostoevsky, the novel *Possessed*, French literature, nihilism, reception, cultural models of Russia and France.

References

- Berdyaev N. *Mirosozercanie Dostojevskogo*. Prague, 1923. 238 p. (In Russ.)
- Blot Y. *Le terrorisme islamiste, une menace révolutionnaire*. Kayserberg, 2016. 246 p. (In Fr.)
- Bulgakova. N. O. *Receptiya romana F. M. Dostojevskogo "Besy" vo francuzskoj slovesnoj kul'ture*. Tomsk, 2018. 153 p. (In Russ.)
- Camus A. *Théâtre, récits, nouvelles*. Paris, 1962. 2082 p. (In Fr.)
- Courrière C. *Histoire de la littérature contemporaine en Russie*. Paris, 1875. 458 p. (In Fr.)
- Dostoïevski F. *Les Possédés*, préface de P. Boutang; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 1961. 700 p. (In Fr.)
- Dostoïevski F. *Les Possédés*, préface de M. Robert; traduction et notes de B. de Schlœzer. Paris, 1974. 987 p. (In Fr.)
- Dostoïevski F. *Œuvres romanesques 1869–1874*, traduction du russe, avant-propos et notes d'A. Markowicz. Paris, 2016. 1024 p. (In Fr.)
- Dubinskaja M. B. *Pisatel' "sobravshyj russkoe serdce": francuzskie kritiki rubezha XIX–XX vv. o F. M. Dostojevskom*. Vestnik TeGU. Ser. Filologiya. 2014, no. 3. P. 284–291. (In Russ.)
- Faure E. *Les constructeurs: Lamarck. Michelet. Dostoievsky. Nietzsche. Cézanne*. Paris, 1921. 267 p. (In Fr.)
- Fernandez D. *Dictionnaire amoureux de la Russie*. Paris, 2004. 864 p. (In Fr.)
- Fokin S. L. *Figury Dostojevskogo vo francuzskoj literature XX veka*. Saint Petersburg, 2013. 396 p. (In Russ.)
- Gide A. *Dostoïevsky. Articles et causeries*. Paris, 1923. 300 p. (In Fr.)
- Glucksmann A. *Dostojevskij na Mankhettene*. Yekaterinburg, 2006. 136 p. (In Russ.)
- Guéry F. *Archéologie du nihilisme: de Dostoïevski aux djihadistes*. Paris, 2015. 256 p. (In Fr.)
- Lubac H. de. *Le Drame de l'humanisme athée*. Paris, 1965. 441 p. (In Fr.)
- Suarès A. *Trois Hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski*. Paris, 1913. 367 p. (In Fr.)
- Vogyuje M. de. *Sovremennye russkie pisateli: Tolstoj, Turgenjev, Dostojevskij*. Moscow, 1887. 205 p. (In Russ.)